

Наталья ЗАПОРОЖЦЕВА¹

«БРОДИ, ДУША, ПО МИРУ СИРОТОЙ, НО БЕРЕГИ ОСТАТКИ ДОСТОЯНИЯ»

В этих строках кредо поэтессы Веры Булич, вынужденной жить в эмиграции. Поэтический талант Веры Сергеевны — прирождённый, впитанный от отца, дяди, представителей замечательного дворянского рода. Несмотря на невзгоды, Вера с достоинством пронесла по жизни это драгоценное наследие. Любопытно проследить суммарный вклад в историю отечественной культуры рода Буличей, ведь подобных исследований явно недостаточно.

Дворянство получило «вольницу» и существенные привилегии с реформами Петра I и Екатерины II. В XVIII, «золотом веке» русского дворянства, оно было главным служилым словом, определяющим внутреннюю и внешнюю политику, способствовавшим превращению России из третьестепенной державы в империю, с которой стала считаться Европа. Манифест 1762 года, освободивший дворян от обязательной службы, привёл к оттоку их из столиц в провинцию. Право на праздность, которую государство даровало дворянам, неожиданно стало мощ-

Вера Сергеевна Булич
(1898–1954)

¹ **Запорожцева Наталья Семёновна** по образованию врач, педагог-психолог, работает главным библиотекарем краеведческого отдела Центральной гор. библиотеки им. Н.К. Крупской г. Сарапула, занимается краеведческими исследованиями жизни писателей Салтыкова-Щедрина, Надежды Дуровой, Б.И. Ярхо, Елены Миллиор, Иосифа Кунина, С.Н. Миловского-Елеонского, Галины Галиной и др. Редактор и автор 5 книг городского издательского проекта «Культурный слой». Руководитель Литературно-музыкального театра, лауреат ряда литературных премий. Живёт в Удмуртии, г. Сарапул.

ным фактором развития российского общества. Досуг, «праздное время» стало быстро заполняться литературой, театром, музицированием. Получили развитие образование, книгопечатание, литература, архитектура, изобразительное искусство, светская музыка, общедоступный театр. Расцвёл русский классицизм. На дарованных землях представители элиты начали повсеместно создавать дворянские гнёзда — островки цивилизации среди крестьянских сёл и деревень, музеи семейной истории. Стали строить уникальные по архитектуре усадьбы, создавать садово-парковый ландшафт, подобный европейскому. Здесь в почитании традиций и памяти предков жили их семьи и воспитывались дети. Потомки дворян сохранили в памяти этот сокровенный образ родины, описанный во многих произведениях великих русских писателей XIX века: просторный дворянский дом, к которому ведёт липовая аллея, пруд с лебедями в зарослях тальника, берёзовая роща.

История рода

Буличи ведут свой род из старинной черниговской дворянской семьи, внёсшей яркий вклад в развитие отечественной культуры, языкознания, литературы. Глава рода, коллежский советник Никита Иванович Булич, служащий в управлении путей сообщения при генерал-губернаторе М.М. Сперанском, направлен был в 1821 году на ревизию в город Курган, где женился и стал отцом пятерых сыновей. В 1828 году Буличи уехали из Кургана в Киев, а спустя четыре года Никита Иванович овдовел и переехал в Казань на службу секретарём жандармского начальника.

В семье Никиты Ивановича было пять сыновей: Николай, Степан, Александр, Константин и Павел. Константин Никитич (7 января 1829 года — 1871 год), надворный советник, в 1871–1874 чистопольский и мамадышский уездный предводитель дворянства. Сергей Константинович (8 сентября 1859 года — 15 апреля 1921 года Петроград), российский лингвист и этнограф, композитор и историк музыкальной культуры.

Николай Булич². Старший сын Никиты Ивановича Булича — Николай окончил Казанскую мужскую гимназию и историко-

² Николай Никитич Булич (3 февраля 1824 г., Курган — 24 мая 1895 г., Русский Юрткуль) — историк русской литературы, член-корреспондент Императорской Академии наук, магистр философских наук, доктор славяно-русской филологии, тайный советник, профессор и ректор Императорского Казанского университета. *Цит. Википедия.*

Николай Никитич
Булич (1824–1895)

филологический факультет Казанского университета с золотой медалью и званием кандидата за диссертацию «О философии Шеллинга». В университете он сблизился со Львом Толстым, студентом юридического факультета. Николай Никитич защитил диссертацию по Аристотелю и получил степень магистра философских наук, стал доктором русского языка и словесности за диссертацию о Сумарокове. Двухгодичная заграничная командировка в Европу познакомила его с уровнем развития философских и гуманитарных наук на Западе, он сблизился с гегельянцами Шульце, Мишеле, Довом

и даже с Лассалем. Он вернулся в Казань летом 1858 г. со страстным желанием подготовить новый курс по истории русской литературы с XVII века. В 1850-х годах он становится профессором Казанского университета. Его ученик Д. Корсаков описал внешность молодого профессора: брюнет высокого роста, с вьющимися и тщательно причёсанными волосами, всегда безукоризненно одетый, с мягкими и любезными манерами, с тихой размеренной речью, порою едкой и насмешливой. На него смотрели как на представителя строгой, западноевропейской науки. Лекции Булича, да и сама личность учёного вызывали большую симпатию и уважение студентов Казанского университета. Они приходили в восторг от чтений молодого профессора, находя их очень либеральными, о чём свидетельствует студенческая эпиграмма:

*Говорят, что наш печальный, / Наш озёрный мрачный край,
Освещает либеральный / Только Булич Николай!..*

Студенты, военные, семинаристы заслушивались лекциями молодого профессора и после одной из них разразились аплодисментами. В то время такое публичное выражение одобрения было высочайше запрещено, и администрация исключила несколько студентов. Булич был обвинён «во вредном направлении его чтений» и уволен с должности профессора.

Весь 1860 год Николай Никитич провёл в Петербурге за чтением публичных лекций и исследованиями по философии эпохи Возрождения. Он сблизился с В. Коршем, Ф. Буслаевым, И. Срезневским, И. Тургеневым, Н. Чернышевским. Имя Булича ско-

ро сделалось известным во всех столичных научных кругах. Его вновь пригласили преподавать в Казанский университет. Булич с радостью вернулся в Alma mater и отдавал работе всего себя. Хорошо известны его труды о Пушкине, Карамзине, Ломоносове, Достоевском, Жуковском.

Брак Николая Никитича с дворянкой, вдовой есаула Юлией Аристовой, имевшей наследство в Юрткуле Чистопольского уезда, привёл к созданию семейного дворянского гнезда в ста вёрстах на юго-восток от Казани. За свои труды Николай Никитич получил в качестве поощрения от царя землю, расположенную на территории села Русский Юрткуль.

Три брата — Николай, Александр и Константин — имели в селе Кушникове и деревне Приютовке Чистопольского уезда 98 душ крестьян и 976 десятин земли. Николай Булич обменял породистых собак на крестьян из Углича и привёз их на работу. На месте оврага после запруды раскинулось озеро Жибленка, вокруг которого насадили яблони, липовую аллею, сосновую рощу, дуб, березняк, акацию и сирень, возле дома — сосны и ели. В селе был построен просторный одноэтажный семейный дом, людская, погреб и кладовые, водокачка, часовня, конюшни, общественная столовая и баня. Н. Булич, занятый преподавательской работой в Казани, приезжал сюда лишь на лето. Старожилы рассказывали, что Николай Никитич увлекался живописью, однако его работы не были найдены. В усадьбе была солидная библиотека и огромный рукописный архив хозяина, к сожалению, погибший во время пожара в имении. В начале 1920-х годов потомки Булича уехали из усадьбы, оставив хозяйство на управляющего.

Заканчивался Серебряный век. В 30-х годах барский дом разрушили, сруб увезли для постройки Матвеевской участковой больницы, которая до сих пор служит людям. В военную морозную зиму 1942 года эвакуированные семьи вырубали на отопление кленовую рощу. Сохранились лишь остатки сада Булича. Николай Булич пожертвовал свою библиотеку в 7000 томов Казанскому университету.

24 мая (5 июня) 1889 года Николай Никитич Булич скончался в имении Юрткули и был похоронен на Арском кладбище Казани. Школьники села хранят материалы о Николае Буличе, историке русской литературы, члене-корреспонденте Императорской Академии наук, магистре философских наук, профессоре и ректоре Императорского Казанского университета.

Сергей Константинович Булич³. В семье Сергея Константиновича Булича, отца Веры, профессора Санкт-Петербургского университета, директора Высших женских Бестужевских курсов, собирались выдающиеся люди Петербурга, поэты, писатели, музыканты. Композитор и историк музыки, Сергей Константинович был первым деканом музыкального отделения Российского института истории искусств. Он автор статей «Пушкин и русская музыка», «Лермонтов и музыка», исследователь творчества Балакирева, Грибоедова-музыканта и «дедушки русского романса» — Н.А. Титова.

Бестужевские курсы, где отец Веры, Сергей Константинович Булич, читал лекции и директорствовал, располагались на 10-й линии Васильевского острова. А совсем рядом, наискосок, на противоположной 11-й линии, между Средним и Малым проспектами, семья Булич снимала квартиру. Это был дом, в котором царил культ искусства и науки. Могло ли быть иначе? Глава семейства, Сергей Константинович — известный языковед, ученик знаменитого Бодуэна де Куртенэ. Автор фундаментальных трудов по истории языкознания, он одним из первых в России начал изучать Индию. И в то же время был великолепно образованным музыкантом и музыковедом. Интересы его были широки и многогранны: писал о русской музыке XVIII столетия, о роли музыки в жизни русских писателей, изучал древнегреческую и средневековую музыку. Сергей Булич стал одним из основателей Института истории искусств и первым деканом его музыкального отделения. Конечно же, его яркая, ненасытная до знаний, деятельная натура притягивала к себе людей талантливых и незаурядных. В его доме на Васильевском собирався цвет петербургской культуры, гостили композитор М. Балакирев и поэт И. Анненский. Для юной Веры знакомство с поэтом было потрясением. Все четверо детей Сергея

³ Сергей Константинович Булич (27 августа с. ст. 1859, Казань — 15 апреля 1921 или 1921 Петроград) — российский лингвист и этнограф; известен также как композитор и историк музыкальной культуры 1882 году успешно окончил Императорский Казанский университет. Преподавал в Петербургском университете, на кафедре сравнительного языкознания и санскрита историко-филологического факультета: с 1885 года — приват-доцент, с 1908 — ординарный профессор, с 1910 — заслуженный профессор. Был профессором (с 1891) и директором (с 1910) Бестужевских Высших женских курсов. Преподавал в Петербургском историко-филологическом институте: с 1895 года — экстраординарный профессор, с 1903 года — ординарный. С 1895 года преподавал также русский язык в гимназии Гуревича. В 1919 году был арестован ЧК как видный кадет, но, благодаря хлопотам ряда тогда ещё относительно влиятельных представителей интеллигенции, вскоре освобождён.

Булича росли в атмосфере утончённой культуры, понимали и чувствовали искусство. Вера, в десять лет написавшая своё первое стихотворение, была особо очарована способностью поэта «претворять муку в музыку», как напишет она, спустя много лет, в глубоком и умном эссе об Анненском: «Уделом И. Анненского, глубокого и тонкого поэта, “последнего из Царскосельских лебедей”, — было одиночество и верность себе». Он был примером для неё. Бестужевские курсы, вечера, диспуты, лекции, чтения, талантливые друзья-единомышленники... Но революция сломала, разорила, смешала весь этот счастливый жизненный уклад. В 1918 году голод, разруха, постоянное чувство опасности вынудили семью покинуть Петербург. В 1921 году Сергея Константиновича не стало.

Вера Булич (2.03.1898–21.07.1954). Вера, дочь Сергея Константиновича и Марии Платоновны (5.04.1871–17.11.1961), родилась 17 февраля (2 марта) 1898 в Санкт-Петербурге. Осенью 1918 года Вера с матерью, старшей сестрой и двумя братьями покинули Петроград и поселились на даче в Куолемаярви на Карельском перешейке. В 1924 году семья переехала в Финляндию. В Гельсингфорсе (Хельсинки) 20-летняя Вера сменила множество занятий: была тапёром в кинотеатре, зарабатывала на жизнь шитьём, частными уроками, служила секретарём у сербского дипломата в Финляндии и поэта Ивана Шайковича. Лишь через несколько лет она получила место в Славянском отделе библиотеки Хельсинкского университета и проработала там более 20 лет — до самой смерти. С 1947 года работала, кроме того, в библиотеке Института культурных связей Финляндии — СССР.

«Вот уже двадцать лет, как русская эмиграция живёт оторванной от родной земли и той среды, которая вскормила высшие достижения русской народной души — науку, искусство, поэзию, — писал К. Тиандер⁴ о творчестве Веры Булич. — Целое поколение писателей и поэтов вроде А.И. Куприна, Е.Н. Чирикова, А.М. Ремизова, К.Д. Бальмонта успело ещё до своего выезда из России приобрести запас впечатлений и знаний русской жизни, чтобы и за границей продолжать творчество в колее усвоенных ими литературных традиций. Все любители русской поэзии бесконечно благодарны этим писателям и поэтам эмиграции, которые свято хранят и развивают поэтические традиции классической поры русской литературы и не дают гаснуть огням, светящим

⁴ Карл Фёдорович Тиандер (1873–1938) — российский историк и литературовед, специалист по истории скандинавских стран, а также по истории литературы. Доктор исторических наук. В некоторых источниках — Карл Фридрихович Тиандер.

и греющим в переживаемой нами эпохе растерянности и оторванности от родины. Но выросло молодое поколение, которое оставило Россию в таком раннем возрасте, что не имело возможности пропитаться русским духом. Вспоминая латинскую поговорку, что во время войны музы молчат, можно было бы думать, что это поколение приговорено к молчанию или бесплодному повторению унаследованных мотивов. Но, несмотря на оторванность от родной почвы, новое поколение подносит нам свои таланты, как в каждую весну снова вырастают цветы».

Вера начала сочинять с десяти лет, и когда в 1931 году вышли в печати её «Сказки», в них уже была поразительная художественная зрелость. Благодаря своей нежной поэтичности, сказки Веры Булич так же, как сказки Топелиуса и Андерсена, не только вызывали восторг детей, для которых они были предназначены, но и доставляли наслаждение взрослым. В сказках Веры Булич часто повторяется описание приключений крошечных лиц: принцессы Ли, для которой шьют платье из стрекозиных крыльев, близнецов Тип и Топ, ростом меньше мизинчика, царевны Капельки и др. Это психологически тонкое наблюдение. Благодаря своему маленькому росту дети обращают внимание главным образом на крошечные проявления жизни на земле. Их занимают муравьи, жуки в гораздо большей степени, чем нас, взрослых. Они сами крошки, и их царство крошечное.

Другой любимый мотив Веры Булич — рассказ о малютке, ушедшей из дома и ищущей дорогу домой к маме. В этом мотиве слышится отголосок тоски по родине. В некоторых сказках дети хотят помочь родителям, или слепому нищему, или выбившемуся из сил голубю Гуль-Гуль и при этом переносят всевозможные лишения. Но, хотя сказки Веры Булич таким образом пробуждают «чувства добрые», они далеки от морализующей сухости. У неё всё оживлено и очеловечено: не только животные и куклы, но и дедушка Гром, и принц Лунный Луч, и Звёздочка, и Капелька. Вот девочки-дождевики танцуют вокруг морковок в огороде, которые высовываются из земли, чтобы хоть одним глазком посмотреть на девочек в серебристых шапочках. А важные свёклы, как тётушки, в красных платьях, чинно качают пышными причёсками...

В 1934 году Вера Булич сочинила пьесу для детей «Сказка о Сказке» и выпустила том стихотворений «Маятник». Первое стихотворение сборника посвящено жизни:

Сердца маятник горячий / Бьётся, мается в груди.

Последнее стихотворение завершает сборник картиной смерти:

*И маятник земной, всё досчитав сполна,
Застывшей вечности уже не потревожит.*

Своим тиканьем маятник напоминает человеческое сердце. Образ маятника-сердца выдаёт мятежность, боль и тревогу поэтессы, оказавшейся в чужой среде. Сердце живёт своей жизнью. Поэтесса ведёт с ним разговор как с ребёнком: «ну, полно же, сердце, ребячиться, пора тебе взрослым стать» и утешает себя мыслью: «ну, как-нибудь мы (т. е. я и сердце) проживём». Сердце глубоко религиозно, умеет находить успокоение в молитве. Этой религиозностью наполнены стихотворения «Странница» и «У Бога с ладоней голуби зёрна клюют». Сердце привязано к родине. Стихотворения «Россия» и «Петербург» ни один эмигрант не прочтёт без волнения.

Сердце поэтессы тонко чувствует природу: стихи «Июль» и «Октябрь», «Полдень» и «Полночь». А как же любовь?

Любовь пришла неведомо откуда, / Смutilа, опалила и ушла...

Или:

*Сердце в груди — как скрипка, / Как скрипка без смычка.
Я сердце закрыла на семь замков, / А ключи уронила в воду.
И пошла на чей-то неведомый зов, / Прославляя свою свободу.
Я сердцу велела: отныне молчи...*

Стихи Булич свидетельствуют об искусном владении ею музыкальными элементами языка. Во втором сборнике «Пленный ветер» идёт рост личности поэтессы:

*Ничто невыразимо до конца. / И хоть поставлена за словом точка,
Но тянется за нею, тянется / Невидимая на бумаге строчка...*

Особое место занимают в творчестве Веры Сергеевны стихи о Гражданской и финской войне:

*Теперь изнемогай от груза, / Терпи, душа, глуха, темна...
Пока не кончится война, / Обречена молчанью муза
Запуганным ребёнком бродит Муза, / Лепечет встречным
что-то про своё...*

*Но нищая сиротка всем обуза / Не до того теперь, не до неё.
Разгром. Развалины и трупы, / Осколки стёкол, сажка, кровь.
Слова беспомощны и тупы / Бессильна кроткая любовь. («Война»)*

О покинутой родине:

*Память крови, круговой поруки. / Голос из могильной темноты,
Голос деда оживёт во внуке, / Сердцем своего узнаешь ты.*

*Память сердца — память состраданья, / Память испытаний и побед.
Много стран на свете для скитанья, / Но страны своей дорожке нет.*
(«Верность»)

Если бы не революция, разве оставила бы девятнадцатилетняя Вера родной Петроград? Разве покинула бы любимый Васильевский?

В 1933 году в «Журнале Содружества» публикуются стихи Булич, её критические разборы современной поэзии, воспоминания об А. Белом, стихи И. Анненского из архива отца и статья о творчестве Анненского «Алмазные слова». На первый поэтический сборник Веры Булич «Маятник» появляется рецензия С.А. Риттенберга: «По-разному можно относиться к стихам первого сборника. Некоторые могут показаться наивными (девичья тематика), но в целом они подкупают искренностью и доверительностью автора. Во всех стихотворениях Веры Булич нет фальши, надуманности, романтического вздора; видно, что каждая строка — не случайна, а выстрадана живою и чистою душой.

Время — жизнью измеряем, / Вечность — смертью познаём.

В стихах этой обаятельной женщины удивительно много света. Мир залит солнцем; герои: деревья, трава, ветер, облака, море, любовь, время, смерть...».

Через год после выхода второго сборника В. Булич началась «Зимняя война» СССР против Финляндии. Каково им было, русским эмигрантам, под советскими бомбами, сбрасываемыми на Хельсинки, и переживать за родных и друзей, оставшихся в блокадном Ленинграде? Об этом — в третьей книге поэтессы «Бурелом» (1947).

Следует упомянуть ещё о Вере Булич как о переводчице финских и шведских поэтов-модернистов на русский язык. В эмигрантской среде Финляндии она была едва ли не единственной писательницей, кто так живо интересовался инородной культурой, оказавшей влияние и на её творчество. Эти переводы, как и переводы из немецких лириков, хранятся в США, у доктора Темиры Пахмусс, и только часть из них была опубликована в нью-йоркском «Новом Журнале».

В Париже вышла четвёртая, итоговая, книга стихов В. Булич «Ветви». Спустя несколько недель, июльским днём 1954 года, Вера Сергеевна скончалась от рака лёгких. Она не имела семьи, детей, сердце было закрыто для радости.

Поэзия была для неё способом существования. Всё, чем живо её сердце, превращалось в музыку слов. Стихи Веры Булич — история красивой, сильной, но при этом очень хрупкой души.

*Страницу можно вырвать из тетради / И заново писать по белизне,
Всё переставив, переделав, сгладив... / А наша жизнь
проходит вся вчерне...*

Родной она Финляндии не стала, и тоска по оставленной России не покидала Веру никогда. В одном из замечательных последних стихотворений 1954 г. она пишет:

*...Холодно, очень холодно мне. / А всё-таки дело идёт к весне.
Будет весна с горячим лучом, / Будет весна с гремящим ручьём,
С листиком узким — резные края — / Настанет весна. Моя, не моя?
Если мне даже не будет дано / Выглянуть утром весенним в окно,
Будет весна для глаз не моих, / Для многих, для разных, для глаз живых.
...Птицы поют на кудрявых ветвях, / Дети играют в зелёных садах.
Жизнь продолжается, жизнь жива! / От этого легче. Хоть это слова.*

«Смерти нет, господи!», — сказал в 1916 году психиатр и физиолог В.М. Бехтерев. Он считал, что перед смертью человеческий мозг сканирует себя (как бы заполняет карту памяти), и, таким образом душа, не исчезает.

Итог деятельности династии Буличей. Стихи Веры Булич — четыре сборника. Её сказки, рецензии, переводы.

Труды литературоведа Николая Никитича Булича: очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века, литературные статьи о Сумарокове, Пушкине, Ломоносове, Карамзине, Жуковском, митрополите Евгении как учёном.

Труды Сергея Константиновича Булича: «Материалы для русского словаря», «К вопросу о новонайденных памятниках древнегреческой музыки», «Дельфийские музыкальные находки», биография профессора И.П. Минаева, «Пушкин и русская музыка»; «Дедушка русского романса Н.А. Титов», «А.Е. Варламов. Несколько новых данных для его биографии», «Что такое языкознание?», «Памяти О.Н. Бетлинга», «М.И. Глинка. К столетию со дня его рождения»; биографические очерки и научные характеристики проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого и Н.В. Крушевского в «Критико-биографическом словаре» С.А. Венгерова; ряд заметок и рецензий на труды по языкознанию, музыке. В Энциклопедическом Словаре поместил более 1400 статей по общему и сравнительному языкознанию, индийской и иранской филологии и истории музыки.

Удмуртия, г. Сарапул